

Этот День...

9 мая. Этот день прошел через всю мою жизнь. С детства я запомнил его не парадами, которые проходили в каждом городе и городке, и не громкими маршами, звучащими из громкоговорителей...

Он запомнился тем, что ежедневно окружавшие меня люди — соседи, друзья моих родителей, друзья их друзей — вдруг появлялись во дворе празднично одетыми, с орденами и медалями на груди, которых было так много и которые так блестели на солнце, что я жмурился. Но глаза этих людей блестели еще ярче. Они выходили в этот день на улицу не для того, чтобы показать свои награды. Они выходили, чтобы встретиться друг с другом. Они напоминали «братство», которое, видя смерть, еще больше полюбило жизнь и радовалось этой жизни. Они знали, что только они, фронтовики, могут по-настоящему понять друг друга. И они шли друг к другу и были счастливы.

Я не сразу узнавал соседку тетю Машу, хотя она часто присматривала за мной, когда родители мои были на работе. На войне она была зенитчицей. Тетя Маша была невысокого роста, с крашеными черными волосами и ярко-красной помадой на губах. Кажется, она работала где-то в охране, у нее был пистолет в кобуре и громкий голос. Она жила одна. Соседи между собой называли ее «Маша-громкая» и уважая побаивались ее. Она ничего не рассказывала про войну, но иногда давала мне поддержать свои медали. Я трепетно перебирал их пальцами, и они казались мне такими тяжелыми, что я и без рассказов чувствовал нелегкую жизнь тети Маши с громким голосом.

Баба Варя надевала в этот день скромное в цветочек ситцевое платье, на котором не очень был виден ее орден, но и при этом ка-

я случайно узнал от кого-то, что баба Варя была ранена в ногу и поэтому хромала. После этого я спрятавшись долго плакал, потому что среди мальчишек мы называли ее «хромой». Мне вдруг стало невыносимо стыдно за себя и за всех. А она сама ничего об этом не рассказывала. Они, фронтовики, обычно мало говорили о войне.

ных застолий (а праздники тогда отмечали всем двором) возмущалась тем, что ее Лешка не может без очереди взять дефицитные товары, хотя ему положено как инвалиду-фронтовику. А он отмахивался и всегда говорил, что ему стыдно будет смотреть людям в глаза — разве он без рук и без ног? И вообще, ему все это не надо. И все весело смеялись. Они, пережившие эту страшную войну, просто радовались жизни.

Радовался и дядя Коля: он брал баян и пел веселые и грустные песни. Однажды я увидел на его груди глубокие безобразные шрамы, по моей спине побежал холодок, и я не мог оторвать от них глаз. «Что, сынок, смотришь? Это когда я в плену был... Да ничего! Главное — живой остался...» У дяди Коли было много медалей, и он дарил их мне, а я хранил их в коробочке как большую ценность. Дядя Коля не держался за них, ведь у него было главное: жизнь, жена тетя Шура и две дочери...

Все эти детские ощущения насквозь пропитали меня. И в День Победы я всегда вспоминаю прохладу тяжелых медалей...

После окончания школы я уехал из города своего детства. Но еще много лет мы, сверстники, очень серьезно и трепетно отмечали этот день. И каждый раз Андреич (так мы называли меж собой одного из нас) серьезно-сосредоточенно произносил: «А мой дед никогда не пил за победу». Мы знали историю о том, как его дед, дойдя до Берлина и вернувшись домой, сразу попал в кабинет энкаведешника, который стал задавать ему разные вопросы. Когда дед понял, что к чему, он, солдат-победитель, взбешенный, крикнул: «Ты что, тыловая

жирная морда, предателя из меня сделать хочешь?» — и двинул кулаком в эту самую «жирную морду». И на 15 лет попал в лагерь... «Разве мы победили? Мы страдали и во время войны, и после, — говорил он. — Они смотрели на нас не как на людей, а как на мясо, гниды!» И все вокруг понимали, кто это — «гниды». Поэтому 9 мая он никуда не ходил, сидел дома. Наливал себе 200 граммов водки, вставал со стула, дрогнувшим голосом произносил: «За погибших ребят!» — и выпивал залпом, не закусывая. А потом молча долго сидел, застыв, со слезами в глазах, сжав зубы. И видно было, что он не чувствовал горечи выпитой водки, потому что горечь его сердца была сильнее.

Все наше поколение было пропитано этими воспоминаниями детства. Потом в жизни каждого из нас они играли важную роль для понимания многих вещей...

Я закончил писать и положил ручку на стол. Я всегда пишу ручкой и только потом печатаю текст. Я люблю чувствовать пальцами ее тяжесть. Мне кажется, что в этот момент в ней сосредотачиваются все мои мысли, все мои воспоминания, все знания, которыми полон окружающий меня мир, касающийся меня. Возможно, это ощущение идет из детства, когда я с трепетом держал в своих детских руках медали тети Маши и дяди Коли и, чувствуя их тяжесть, уже тогда непостижимым образом чувствовал тяжесть судьбы нашего народа. Тяжесть человеческой жизни.

Олег ЛУЦЕНКО

Фото: Ольга ФЕДОСЕЕВА/Великая Эпоха

Дорогие ветераны

залось, что она немного стесняется того, что надела его. Она прошла войну медсестрой и спасла многих, а в жизни была тихой и очень-очень доброй. Однажды

Дядя Леша со второго этажа даже не надевал своих наград, но мы знали, что он был ранен и контужен. Мы знали об этом от его жены, которая во время праздни-

Точка, где сходятся все меридианы

14 апреля 1999 года небольшая группа путешественников из разных стран под руководством петербуржцев отправилась в необычную экспедицию на Северный полюс. Идея состояла в том, чтобы пройти на лыжах последний градус до Северного полюса, то есть 100 км, и водрузить там флаг Санкт-Петербурга. Мы посвятили эту экспедицию 300-летию нашего любимого города.

Кроме иностранных туристов в этой группе двое ветеранов спорта. 75-летний Михаил Михайлович Бобров — Почетный гражданин Санкт-Петербурга, преподаватель Гуманитарного университета профсоюзов. Несмотря на годы, он в отличной форме и полон решимости дойти до полюса. Его соратник Свет Борисович Тихвинский, профессор, спортивный врач, ему 70 лет. С ними Виктор Боярский — прославленный полярник, директор Музея Арктики и Антарктики, и Виктор Серов, автор этих воспоминаний.

В такие путешествия идут не случайные люди. Ради идеи они готовы ночевать в подмошке спальном мешке на морозе в 35 градусов, идти на лыжах по 6-8 часов в день и тащить сани весом 40 кг, преодолевать торосы,

опасные трещины и разводья, чтобы в конце пути постоять на вершине мира с флагом своей страны.

Из Москвы летим до Хатанги, где проводим два дня подготовки: проверяем снаряжение, адаптируемся к холоду и часовому поясу, что особенно важно для новичков. Далее летим еще 2000 км до аэродрома «Борнео». Там нас ждут. В большой теплой палатке пьем чай и обсуждаем ледовую обстановку на маршруте до полюса. Её трудно предсказать, так как океан дышит, и гигантские ледяные поля то сталкиваются, образуя гряды торосов, то расходятся, образуя трещины — реки. На данном этапе самой главной характеристикой является направление дрейфа льда, в зависимости от которого мы планируем точку старта.

Нас 13 человек, с нами 13 доверху груженных саней. Через 20 минут полета приземляемся в точке старта. Быстро разгружаемся, вертолет улетает, и мы остаемся в объятиях океана. Проходим пару километров и ставим лагерь на первую ночевку. Разбивка лагеря в Арктике — настоящее испытание для новичков. Хорошо, что нет ветра. Тем не менее, тратим полтора часа, чтобы поставить палатки. Дальше начинается борьба за разжигание примуса. Это нелегкая процедура на морозе. Сегодня все устали, и, выпив горячего супа, залезаем в спальные мешки.

(продолжение на стр. 16)

Виктор СЕРОВ

Фото предоставлено автором

Здесь во всей полноте ощутить, что такое Арктика, понять, что чувствовали первопроходцы Северного Ледовитого океана (На фото: В. Серов)